

A man with a beard and grey hair, wearing a black shirt, is embracing a woman with long, wavy blonde hair. She is wearing a light-colored, off-the-shoulder dress. They are both looking down, and the background is dark.

АСЯ АКАТОВА

После
РАЗВОДА

Ася Акатова

После развода

<https://litres.ru/74212288>

Аннотация

- Аня, прости меня. Я не прошу остаться. Я прошу... прошу понять. Я разрушил всё. Я — подлец. Но я не хочу терять тебя как человека. Ты... ты сама свет в моей жизни, которую я затоптал.

- Почему, Серёж?! Почему ты не сказал мне: "Ань, давай сбежим куда-нибудь, как раньше"? Почему не устроил скандал, не сказал, что задыхаешься? Почему не попросил... не попросил помощи? Почему первым твоим порывом было не спасти нас, а предать?!

Мой голос дрожал, но не от жалости к нему. От жалости к нам. К тем, прежним, которые верили, что их любовь — это крепость.

Общая дочь. Десять лет брака. И...развод.

Я соберу себя по кусочкам и обрету новое счастье.

Вот только...почему бывший муж не может оставить меня в покое?!

История участвует в литмобе "Жизнь после развода"

Хэппи энд для гг

Содержание

Ты подлец!	4
Почему?!	8
Дочка в шоке...	12
Бедная малышка	17
Новые правила	21
Папу вычеркнули	26
Весь мир подождет	31
Катя нормальная	36
Папа приходил	41
Привет из прошлого	46
Катя беременна	51
Внезапный скандал	56
О, горы!	60
Маленькие детки - маленькие бедки	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ты подлец!

Тот вечер был неестественно тихим, словно дом затаил дыхание. Мы пили чай с мятой — мой любимый. Муж сам поставил на стол синюю кружку, ту самую, что я привезла из поездки в Гжель. Рядом аккуратной горкой лежало печенье “курабье”. Мне вдруг стало смешно и жутко от этой театральной идиллии. Сергей не печет печенье. Сергей не вспоминает о моей любви к мятному чаю просто так.

-Аня, нам нужно поговорить, — сказал он, и голос его прозвучал как запитанный с диктофона — выверенный, полный фальшивой значимости.

Ложка тихо звякнула о фарфор. Внутри меня что-то съжилось, превратилось в крошечную, каменную точку. Я знала. Женщина всегда знает. Знает по излишней предупредительности, по взгляду, скользящему мимо, по новым носкам в шкафу, которых она не покупала. Но знать — одно. А слышать — совсем другое.

- Я должен быть с тобой честен. Я... я встретил другую женщину.

Воздух в комнате стал густым, как сироп. Я видела, как движутся его губы, но слова долетали до меня с опозданием, будто через толщу воды. “...не собирался... просто так получилось... ты не виновата, ты лучшая из женщин, я просто... я запутался”.

Я смотрела на его руки. Эти знакомые, родные руки, которые тысячу раз касались моего лица. Теперь они лежали на столе, сцепленные в белый от напряжения узел. Предательские руки.

- Я не могу так жить. Врать тебе. Ты заслуживаешь правды, — он поднял на меня глаза. В них была непереносимая смесь — мольба, самолюбование и тот самый, собачий, виноватый блеск. Он ждал. Ждал моей реакции.

Но я молчала. Казалось, если я разожму губы, оттуда вырвется не крик, а черный, едкий дым, который отравит всё, что осталось.

Тогда он встал. Медленно, как в плохой драме, опустился передо мной на колени. Паркет скрипнул жалобно. Он схватил мои руки, холодные и неживые. Я не отдернула. Мне было интересно, как далеко он зайдет в этом спектакле.

- Аня, прости меня. Я не прошу остаться. Я прошу... прошу понять. Я разрушил всё. Я — подлец. Но я не хочу терять тебя как человека. Ты... ты сама свет в моей жизни, которую я затоптал.

В горле встал ком. Не от жалости. От бешенства. Такого тихого, такого леденящего, что я боялась пошевелиться. Он не просто изменил. Он обставил свое падение как высокую трагедию. Он сделал меня зрителем в собственном унижении.

Сергей заплакал. Настоящими, тяжелыми мужскими слезами. Они катились по его щекам, и он не вытирал их, да-

вая мне рассмотреть весь масштаб его “страдания”. Это был кульминационный момент. Он принес мне на блюдечке свою вину, приправленную слезами, и ждал, что я совершу ритуал — приму, благословлю и отпущу с миром. Чтобы он мог уйти, не чувствуя себя негодяем. Чтобы сказать потом всем и, главное, себе: “Она поняла. Она простила. Мы расстались цивилизованно”.

Я наконец выдернула руки. Звук, с которым отлипла ладонь, был отвратителен.

- Как её зовут? — спросила я. Мой голос прозвучал чужим, плоским, без единой трещинки.

Он вздрогнул, будто я ударила его. Он ждал чего угодно — истерики, вопросов “почему”, обвинений. Но не этого простого, бюрократического вопроса.

- Катя... — выдавил он. — Но это не имеет значения, поверь...

- Имеет, — перебила я. — Мне нужно знать имя той, с кем мой муж валялся в гостинице “Венеция” в прошлый вторник, пока я думала, что он на корпоративе.

Он побледнел. Его слезы мгновенно высохли. В глазах мелькнул страх, а за ним — жалкая, уязвленная злость. Я испортила ему сцену. Я отказалась играть по его сценарию.

- Аня, не надо так... Я пришел к тебе с открытым сердцем...

- Ты пришел не с сердцем, — сказала я, поднимаясь. Ноги слушались, будто деревянные. — Ты пришел за индульген-

цией. Ты хочешь, чтобы я вытерла тебе сопли, погладила по голове и сказала: “Бедный мой мальчик, иди на все четыре стороны». Чтобы ты не чувствовал себя так погано. Но знаешь что?”

Я наклонилась к нему. Он все еще сидел на коленях, и с этой позиции он казался таким маленьким.

- Ты — ничтожество. И я не стану твоим чистилищем. Убирайся с моих глаз.

Я повернулась и пошла в спальню. Шаг за шагом. Ровно, как автомат. За моей спиной повисла гробовая тишина. Его спектакль закончился провалом. А моя пытка — только начиналась.

Закрела дверь, прислонилась к ней спиной и скользнула на пол. В груди билось что-то горячее и острое, как осколок. Но слез не было. Была только всепоглощающая, леденящая тишина. И понимание: только что умерло всё. И похоронили это под маской цивилизованности, которую я теперь буду вынуждена носить, как проклятие.

Почему?!

Я сидела на краю кровати, в темноте, и прислушивалась к тишине. Она гудела в ушах, как после взрыва. В груди та самая каменная точка начала раскалываться, выпуская наружу щупальца ледяной, методичной боли. Они обвивали ребра, сжимали горло. Я дышала мелко и часто, как раненая птица.

И тут — шорох ключа в замке. Скрип двери. Шаги по паркету, осторожные, крадущиеся. Он вернулся. Очевидно, решил, что мой уход — просто первый акт драмы, за которым последует примирение, долгие разговоры до утра, взаимные упреки и, в конце концов, то самое прощение, в котором он так отчаянно нуждался.

Я не двигалась. Пусть ищет. Больше не приложу ни малейших усилий, чтобы пойти ему навстречу. После всего, что этот мерзавец сделал...

- Аня? — его голос прозвучал из гостиной, жалобно и натянуто. Потом шаги приблизились к спальне. Он приоткрыл дверь, и полоска света из прихожей упала на мои ноги: “Аня, мы не можем так оставить. Пожалуйста”.

Я подняла на него взгляд. В полумраке, должно быть, видны были только белки глаз.

- Лиза спит, — сказала я ровным, безжизненным тоном. Это было не напоминание, а оружие. Тысячу раз он засыпал, пока я укачивала ее, читала сказки, сидела у кровати, пока

ее дыхание не становилось ровным. А в это время он... что он делал? Целовал чужую шею? Шутил? Говорил Кате те же слова, что когда-то мне?

Он вошел, прикрыв за собой дверь. Теперь мы были в полной темноте, два силуэта, едва различимые друг для друга.

- Я не могу уйти вот так. Ты должна понять...

- Что я должна понять, Сергей? — голос сорвался, став вдруг хриплым и резким,- Что у тебя зачесалось в одном месте? Что я перестала быть для тебя новинкой? Что ты встретил кого-то, с кем тебе... интереснее?

Последнее слово вылетело с таким ядом, что я сама вздрогнула. Он помолчал, и в тишине я услышала, как он глотает воздух: “Это не так. Ты... ты идеальна. Ты прекрасная мать, ты умна, ты всё делаешь правильно...”

И тут во мне что-то оборвалось.

- Правильно? — я вскочила с кровати, и теперь уже он отшатнулся,- Правильно?! Так в чем же дело, Сергей? В чем? Я уставшая, да! Я срываюсь на Лизу, когда у нее истерика из-за уроков. Я забываю купить твой любимый сыр. Я иногда ложусь спать, не смыв тушь, потому что нет сил. Я — живая! А не картинка из твоего мерзкого, вылизанного идеала! Ты что, хотел, чтобы я тоже начала орать и бить посуду? Чтобы было за что меня презирать? Чтобы твоя измена получила хоть какое-то оправдание?

Я задышалась. Слезы, наконец, подступили, но они были слезами бешенства, жгучими и беспощадными.

- Почему, Серёж?! Почему ты не сказал мне: "Ань, давай сбежим куда-нибудь, как раньше"? Почему не устроил скандал, не сказал, что задыхаешься? Почему не попросил... не попросил помощи? Почему первым твоим порывом было не спасти нас, а предать?!

Мой голос дрожал, но не от жалости к нему. От жалости к нам. К тем, прежним, которые верили, что их любовь — это крепость.

Он стоял, опустив голову. Его силуэт был сгорбленным, побежденным.

- Я не знаю, — прошептал он наконец, и в этом шепоте не было ни актерства, ни пафоса. Только пустота. — Мне было... легко с ней. Не нужно было быть лучше. Не нужно было соответствовать. Это просто... случилось.

- Ничего не "случается"! — выдохнула я, и силы внезапно ушли. Я снова опустилась на кровать. — Ты делаешь шаг. Потом еще один. Ты выбираешь не ответить на мое сообщение. Выбираешь солгать про встречу. Выбираешь снять номер. Ты тысячу раз выбирал ее, а не нас. И каждый раз ты мог остановиться. Мог придти ко мне и сказать: "Мне плохо. Мне страшно. Помогите". Но ты не сделал этого ни разу.

Тишина повисла снова, теперь уже тяжелая, как свинец. Где-то за стеной сладко посапывала Лиза, наша дочь, для которой мир еще держался на двух столпах — маме и папе. И один из этих столпов только что признался, что он — труха.

- Что теперь? — спросил он, и в его голосе впервые про-

звучал детский, потерянный страх. Не за меня. За себя. За свое будущее.

- Теперь ты идешь на кухню. Спишь на диване. А завтра... завтра ты находишь в себе остатки совести и думаешь, как сказать нашей дочери, что папа оказался слабым и подлым человеком и уходит жить к тете Кате. И ты не станешь винить в этом меня. Ты не скажешь ей, что мама "не поняла" или "не простила". Ты скажешь, что это твоя вина. Только твоя. Это минимум, что ты можешь сделать.

Я легла, повернувшись к стене, спиной к нему, к тому месту, где он обычно спал. Я сжалась в комок, вжимаясь в матрас, пытаюсь занять как можно меньше места в этой вдруг чужой постели. Ждала, что он уйдет, хлопнет дверью, что-то скажет. Но он просто стоял. Минуту. Две. Потом я услышала, как он тихо вышел и прикрыл дверь.

И только тогда, уткнувшись лицом в подушку, которая еще пахла его шампунем, я разрешила себе заплакать. Не надрывно, а тихо, беззвучно, чтобы даже стены не слышали. Плакала о нем, о том мальчике с гитарой, которого я любила. О нас, которые больше не будут "мы". И о Лизе, чей детский мир только что дал трещину, и я была бессильна это исправить. Я могла только лежать и чувствовать, как боль, наконец вырвавшись на свободу, разливается по всему телу, становясь единственной реальностью в этом холодном, страшном мраке.

Дочка в шоке...

Пахло остывшей пастой, которую Лиза почти не тронула. Воздух был густым от невысказанного. Мы с Сергеем избегали друг друга, как два заряженных полюса, встречаясь только на территории дочери. Лиза чувствовала. Она стала тихой, слишком послушной, и цеплялась за меня, как репейник, будто боялась, что и я вот-вот испарюсь.

Сергей откашлялся. Он сидел напротив, вертел в пальцах стакан с водой.
 — Лиз, — начал он. Голос был натянут, как струна. — У нас с мамой есть важный разговор.

Лиза подняла на него огромные, испуганные глаза. Ее взгляд метнулся ко мне, ища подтверждения или спасения. Я кивнула, пытаюсь сделать лицо мягче. У меня не получилось.

— Видишь ли... папа допустил очень большую ошибку, — Сергей говорил, глядя в стол, а не на нее. — Я причинил боль маме. И нам всем.

— Что ты сделал? — спросила Лиза тоненьким голоском.
 — Я изменил маме. Я полюбил другую женщину.
 Он выпалил это прямо, без экивоков. Может, думал, что честность обелит его. Я сжала кулаки под столом.

Лиза не поняла сразу. Она моргнула.
 — То есть... ты с ней дружишь?
 — Нет, Лизонька. Не так. Я... я буду жить отдельно. Мы с мамой... мы расстаемся.

Тишина. Потом ее лицо, такое живое и открытое, начало

медленно рушиться. Не в гримасу плача, а в маску полного, животного недоумения. Как будто ей сказали, что закон гравитации отменен.
— Ты уходишь? — прошептала она. — Насовсем?
— Я буду тебя видеть. Очень часто. Мы будем гулять, ходить в кино...
— А почему?! — ее голос взлетел до визга. Она вскочила, стул с грохотом упал на пол. — Почему ты уходишь? Мама, что случилось? Вы поссорились? Помиритесь! Пожалуйста, помиритесь!

Она бросилась ко мне, вцепилась в шею, прижалась всем телом, горячему и дрожащему. Ее слезы текли мне за воротник. Я обняла ее, гладила по спине, но мое прикосновение было деревянным. Я не могла дать ей утешения, потому что его не было. Во мне была только пустота и ярость на него, который устроил этот спектакль и теперь заставлял меня быть сорежиссером.

— Мы не ссорились, рыбка, — сказала я, цедя слова сквозь стиснутые зубы. — Папа... папа полюбил другую. Он сделал выбор.
— Но он же должен любить нас! — закричала Лиза, оборачиваясь к отцу. — Ты же наш! Наш папа! Ты обещал!
Она произнесла это с такой простой, детской уверенностью в незыблемости мира, что у меня сердце оборвалось.

Сергей побледнел. Его уверенность, его желание «честности» таяли на глазах под шквалом этой чистой, несправедливой боли.
— Я люблю тебя, солнышко. Я всегда буду твоим папой, — он попытался взять ее за руку, но она дер-

нулась, как от огня.
 — Нет! Если ты уходишь — значит не любишь! Я тебя ненавижу!
 — Лиза! — жестко сказала я. Мой голос прозвучал, как хлыст. Она замолчала, смотря на меня в полном шоке. Я никогда на нее так не кричала. «Не смей так говорить. Это неправда. Папа тебя любит».
 Я произносила эти правильные, цивилизованные слова, а внутри кричала вместе с ней: «Да, ненавись! Он этого заслужил!».

Но я не могла. Я должна была быть взрослой. Должна была сохранить ей отца в каком-то виде, даже если он для меня уже умер.
 — Я... я не хочу тебя видеть! — выдохнула Лиза, разрываясь между нами. Она вырвалась из моих объятий и бросилась вон из кухни. Дверь в ее комнату захлопнулась с таким звуком, будто рухнул весь мир.

Наступила тишина, хуже любой истерики. Сергей сидел, опустив голову на руки.
 — Видишь? — сказала я тихо. Мой голос был холодным и острым, как лед. — Видишь, что ты наделал своей "честностью"? Ты хотел уйти с чистой совестью. А вместо этого разбил ее. Нашу дочь. Ты думал, она поймет и простит? Она — ребенок. Для нее ты — Бог, который предал. И я теперь должна годами собирать эти осколки и склеивать их, рассказывая, что папа хороший, просто так вышло.

Он поднял на меня глаза. В них не было слез. Только пустота и страх.
 — Что же мне делать?
 — Уходи. Сейчас. Живи у своей Кати, в гостинице, где угодно. Дай ей вре-

мя. Дайте нам всем время. Не звони ей завтра с утешениями. Не приезжай с подарками через неделю. Ты стал для нее источником боли. И пока эта рана свежа, любое твое присутствие — это соль.

Он медленно поднялся. Пошел к прихожей. Он выглядел сломленным, и это зрелище не приносило мне ни малейшего удовлетворения. Только горькую, беспощадную жалость. К нему. К себе. К Лизе.

Он взял куртку, уже упакованную сумку стояла у двери с того самого вечера.
 — Аня... прости.
 — Не за что, — ответила я, не оборачиваясь. — Уходи, Сергей.

Я слышала, как щелкнул замок. Как затихли его шаги на лестнице. Я стояла посреди кухни, среди грязной посуды и недоеденной пасты, и слушала тихие, всхлипывающие звуки из-за двери Лизы. Они были похожи на писк раненого зверька.

Я подошла к ее двери, приоткрыла. Она лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, ее маленькая спина судорожно вздрагивала.

— Лиза...
 — Уйди! — простонала она. — Уйдите все!

Я не ушла. Я села на край кровати, положила руку ей на голову. Она дернулась, но не оттолкнула. Так мы и сидели в полумраке: она, разрываемая горем, которого не могла понять, и я — с пустотой внутри, которая была страшнее любого горя, потому что в ней не было даже слез, только хо-

лодная, тяжелая ответственность за то, чтобы теперь быть за двоих. За троих. Чтобы стать скалой, о которую разбилось наше общее прошлое.

История участвует в литмобе "Жизнь после развода".
Только для читателей, старше 18!" <https://litnet.com/shrt/vyz8>

Бедная малышка

Я не стала уходить. Осторожно села на край кровати, положив ладонь на ее вздрагивающую спину. Она снова дернулась, но не оттолкнула. Ее маленькое тело было напряжено, как тетива, пропитано обидой и непониманием.

— Лизанька, — сказала я тихо, почти шепотом. Голос звучал чужо, но я старалась вдохнуть в него тепло, которого не было внутри. — Я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Не знаешь! — она выдохнула в подушку, голос глухой и мокрый от слез. — У тебя нет папы, который ушел!

Ее слова вонзились в самое сердце. Она была права. Моего отца не было в живых, и это была другая боль. Непреодолимая. А ее боль была от предательства живого.

— Ты права, — согласилась я, продолжая гладить ее по спине круговыми движениями, как когда-то, во время колик. — У меня не было такого. Но у меня сейчас болит так же сильно, как у тебя. Только по-другому. И знаешь что? Это нормально — чувствовать эту боль. Нормально кричать и плакать. И даже нормально его ненавидеть сейчас.

Она медленно повернула ко мне заплаканное, опухшее лицо. Глаза, огромные от ужаса, смотрели на меня с немой вопросом: "А разве можно?"

— Да, — ответила я на ее немой вопрос. — Мама тоже злится. Очень. И ей тоже больно. И страшно.

Она приподнялась, села, поджав под себя ноги. Сопела, вытирая лицо кулачками.

— Почему он так сделал? Разве мы ему не нужны?

Вот он, самый страшный вопрос. От которого зависит все ее будущее, ее способность доверять миру. Мне потребовалась вся моя сила, чтобы отодвинуть свою ярость и дать не "цивилизованный", а правдивый, но осторожный ответ.

— Лиз, это не про нас. Это про него. Ты — самая нужная. Ты — лучшая дочь на свете. И я — старалась быть хорошей женой. Но в папе... что-то сломалось. Не здесь, не в нашей семье, а внутри него самого. Он запутался, как в темном лесу, и вместо того, чтобы позвать нас на помощь, он пошел куда-то один и заблудился так сильно, что не может найти дорогу обратно.

Она слушала, всхлипывая, впитывая каждое слово.

— Значит, это папа плохой? — спросила она, и в ее голосе снова зазвучала надежда. Надежда все разделить на черное и белое. Чтобы найти виноватого.

— Он поступил плохо. Очень плохо и подло, — сказала я твердо. — Но он не монстр. Он... слабый. И очень глупый в этом случае. Он думал, что ищет счастье, а нашел только новые проблемы и причинил боль тем, кого должен был защищать.

— Я не хочу его видеть, — прошептала она, снова закрываясь.
— И не надо. Никто не заставит. Ты будешь видеть его тогда, когда сама захочешь. И если захочешь. Это

твое право. Обещаю.

Я взяла ее за подбородок, заставила посмотреть на себя.
— Но запомни самое главное, Лизонька. Его уход — это НЕ твоя вина. Никогда. Ни в чем. Ты не была недостаточно хорошей дочкой. Ты не вела себя плохо. Это его выбор, его ошибка. Как если бы он, играя с тобой в мяч, специально разбил окно. Окно разбито, и его уже не склеить. Но виноват тот, кто бросил мяч, а не тот, кто стоял рядом.

Она кивнула, в ее глазах понемногу проступало понимание, смешанное с усталостью. Горе выматывает.

— А мы с тобой что? — спросила она, цепляясь уже не за прошлое, а за будущее. За островок стабильности. — Мы остаемся вдвоем?

— Мы остаемся вдвоем, — я обняла ее крепко, прижала к себе, чувствуя, как ее маленькое горячее сердце колотится о мою грудную клетку. — Мы — команда. Мы — крепость. И нам будет очень-очень тяжело. Будут дни, когда я буду злой и плачущей. Будут дни, когда ты будешь злиться на меня просто потому, что больше злиться не на кого. Но мы пройдем это. Потому что я тебя люблю сильнее всего на свете. И никуда от тебя не денусь. Никогда.

Она обвила меня руками, спрятала лицо у меня на шее.
— Я тебя тоже люблю, мама, — прошептала она, и в этом шепоте была уже не истерика, а усталая, бесконечная грусть.

Мы сидели так долго, пока ее дыхание не стало ровным и

глубоким. Я уложила ее, поправила одеяло. На ее ресницах блестели высохшие слезинки.

— Мама? — тихо позвала она, уже почти во сне.
 — Я здесь.
 — Ты... ты не уйдешь к другому дяде?
 Мир перевернулся. Ее страх был так конкретен и так ужасен.
 — Нет, родная. Никогда. Сейчас все мое сердце занято тобой. И ремонтом нашего корабля, который дал течь. Нам двоим его хватит.

Она слабо улыбнулась и наконец закрыла глаза.

Я вышла из комнаты, прикрыв дверь. Тишина в квартире оглушала. Я облокотилась о косяк, и только тогда по моим щекам потекли первые слезы. Не истерические, не яростные. Тихие, соленые, бесконечно уставшие. Я успокоила свою дочь. Сказала ей все нужные слова. А кто успокоит меня? Никто. И не надо. Потому что мое утешение теперь — это ее ровное дыхание за стеной. И обязанность быть крепостью, даже если стены этой крепости треснуты, а в душе — выжженная земля. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони. Завтра будет новый день. И я должна буду встать и быть сильной. Снова.

Время от времени буду дарить вам промо на другие книги) заглядывайте в главы, чтобы не пропустить)

Сейчас самые быстрые активируют промо на "Верну семью после измены" 5s5mbBXc и OaXM_UZa

Новые правила

Солнце било в окна с бессовестной, летней яркостью. Оно освещало пылинки, танцующие в воздухе, пятно от вчерашнего чая на столешнице и полную, гнетущую тишину. В этой тишине каждое движение звучало как выстрел: скрип половицы под ногой, бульканье воды в чайнике, тиканье часов, которые почему-то не унесли с собой.

Лиза вышла из комнаты бледная, с тенью под глазами, которые казались еще больше. Она молча села за стол. Смотрела не на меня, а куда-то в пространство перед собой, размазывая ложкой йогурт по тарелке.

— Не хочешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал обыденно.
Она молча покачала головой.
— Хочешь яичницу? Блинчиков? — настойчивость была ошибкой. Я это поняла сразу.
— Не хочу! — она отодвинула тарелку, и ложка со звоном упала на пол. Мы обе вздрогнули. Она посмотрела на меня, испуганная своей же вспышкой. В ее глазах снова навернулись слезы, которые говорили: "Вот, я уже плохая, и мама тоже уйдет".

Я глубоко вдохнула. Встала, подняла ложку, поставила перед ней новую тарелку — с бутербродом.
— Ладно. Не хочешь — не ешь. Но бутерброд пусть стоит. Захочешь — съешь. — Я села напротив с собственной чашкой кофе. Он был горьким и абсолютно бесполезным. — Сегодня суббота.

Что будем делать?

Она пожала плечами, уставившись в бутерброд, как будто он был сложнейшей математической задачей.
 — Можешь весь день смотреть мультики, — предложила я. — Или залипнуть в планшете. Правила отменяются. На сегодня.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнула искорка недоверия.
 — Правда?
 — Правда. Мамино слово. Сегодня можно всё, что не угрожает жизни и здоровью. Хочешь мороженое на завтрак? — я сделала вид, что встаю к холодильнику.

Слабенькая, едва уловимая улыбка тронула ее губы.
 — Нет... можно просто... можно мы никуда не пойдем? Ни в парк, ни к бабушке? Просто... тут.

"Тут" — это наша квартира, которая вчера еще была домом, а сегодня стала укрытием, бункером после бомбежки.
 — Конечно. Никуда не пойдем. Устроим день полного ничегонеделания.

Она кивнула и наконец откусила от бутерброда. Маленький, но победоносный укус. Первая крошечная победа над хаосом.

День прошел в странном, полусонном ритме. Лиза, закутавшись в плед, смотрела бесконечные серии какого-то мультсериала. Я сидела рядом, с ноутбуком, делая вид, что работаю. На самом деле я просто смотрела на экран, где буквы расплывались в бессмысленные черные пятна. Мои мысли были разбитым стеклом: острые, несвязные, больно режу-

щие при любой попытке их собрать.

Раздался звонок в домофон. Мы обе вздрогнули, как дикие звери. Лиза съежилась, ее взгляд стал диким. "Он", — прошелестело в воздухе между нами.

Я подошла к трубке. Голос соседки, Нины Петровны. «Анечка, это я, курьер вам цветы принес, я за них расписалась, поднять?»

Цветы. Конечно. Его почерк. Покаяние, доставленное экспресс-почтой. Дешевый трюк, который должен был растрогать меня вчера, а сегодня был просто неуместным идиотизмом. — Спасибо, Нина Петровна, — сказала я ровным голосом. — Можете их выбросить. Или себе оставьте. У меня аллергия.

Вернувшись в комнату, я встретила вопрошающий взгляд дочери. — Цветы от папы? — угадала она. — Да. Но маме они не нужны. Маме нужны были другие вещи. Со всем другие.

Она ничего не сказала, просто глубже закуталась в плед. Мультитки продолжали играть, создавая фон из натянутого, фальшивого веселья.

К обеду она уснула прямо на диване, истощенная эмоциями. Я накрыла ее вторым пледом, убрала со лба прядь волос. Во сне она выглядела такой маленькой и беззащитной. Моя крепость. Моя причина.

Я пошла на кухню, чтобы навести хоть какой-то порядок. Мои руки сами находили дело: помыть посуду, протер-

реть стол, выбросить вчерашнюю пасту. Механические движения успокаивали. Пока я вытирала ту самую синюю кружку из Гжели, рука дрогнула. Я посмотрела на нее, на эти приторно-нежные голубые узоры. Кружка «счастья». Я разжала пальцы. Она упала в раковину с глухим, но не разбившимся стуком. Я оставила ее там. Пусть лежит.

Вечером Лиза проснулась ворчливой и немного более живой.
— Мам, а что на ужин?
— Что хочешь? Закажем пиццу? Или суши? — предложила я, нарушая все пищевые правила.
— Пиццу! — она оживилась. — С ананасами!
— С двойными ананасами, — подтвердила я, уже доставая телефон.

Мы ели пиццу прямо из коробки, сидя на полу в гостиной, смотрели старый диснеевский мультфильм. Она облокотилась на мое плечо. Это было не веселье, нет. Это было перемирие с миром. Хрупкое, зыбкое. Временная передышка.

Когда фильм закончился и наступили титры, она тихо сказала, глядя в экран:
— Мам, а он... позвонит?
— Наверное. Но мы не обязаны отвечать. Сегодня — наш день. Наши правила.

Она кивнула. Потом, уже перед сном, чистя зубы, спросила сквозь пену:
— А завтра что?
— Завтра, — сказала я, глядя на ее отражение в зеркале, — будет другим днем. Не обязательно хорошим. Но мы с тобой его проживем. Обещаю.

Уложив ее, я долго стояла в темноте ее комнаты, слушая,

как дыхание становится ровным. Потом прошла по пустой квартире. Выключила свет в гостиной, на кухне. Остановилась у большого окна. Внизу горели фонари, ехали машины. Жизнь. Которая продолжалась, жестокая и равнодушная.

На следующий день не наступило облегчение. Наступило утро после. Первое утро в новой, сломанной реальности. В нем не было надежды. В нем было только тихое, ежесекундное решение: держаться. Ради этого спящего за стеной человека. Держаться, даже если все внутри выжжено и хочется только лечь на пол и смотреть в потолок, пока само время не остановится.

Я взяла со стола свою холодную чашку, допила остатки горького кофе. Завтра нужно будет идти в магазин. Платить по счетам. Отвечать на вопросы. Жить. Пока что — просто механически. Но этого было достаточно. На сегодня достаточно.

А самым быстрым промо на "Развод с властным"
zBLqaxBW

Папу вычеркнули

Через неделю пустота после его ухода оказалась не безмолвной. Она была наполнена гулом — навязчивым, неотпускающим. Гул состоял из тысячи мелких дел, которые теперь приходилось делать одной, из звенящей тишины в машине по дороге на работу, из взгляда Лизы в окно, когда она ждала, не появится ли его автомобиль у школы. Он не появлялся, он так "давал время", как я и просила, и эта его послушность злила меня еще больше.

Я превратилась в робота с четкой программой: подъем, завтрак, школа, работа, ужин, уроки, сон. Каждое действие было лишено смысла, но выполнялось с фанатичной точностью. Я боялась остановиться. В остановке таился риск рухнуть.

Вечером, пока Лиза делала уроки, зазвонил мой телефон. Незнакомый номер. Я отправила в голосовую почту. Через минуту пришло сообщение: "Анна, это Катя. Можем поговорить? Это важно".

Кровь отхлынула от лица, потом прилила обратно, горячая и густая. Она. Осмелилась. Бездна внутри закипела мгновенной, слепой яростью. Мои пальцы зависли над клавиатурой. Я могла написать все, что думаю. Вылить на нее ушатy самой грязной брани. Но перед глазами встало лицо Лизы — сосредоточенное, с карандашом в руке, вырисовы-

вающее буквы в прописи. Ее хрупкий мир, который я оберегала днем и ночью.

Я вышла на балкон, закрыла за собой дверь. Ночной воздух был прохладным. Я набрала номер.

— Алло, — голос у меня был низким, чужим, абсолютно ровным.
— Анна, здравствуйте. Это Катя. Спасибо, что ответили. — Ее голос был тихим, нервным, молодым. Мне вдруг дико захотелось увидеть ее, эту девчонку, сломавшую мою жизнь. Увидеть прыщик на подбородке или неудачный маникюр — что-то человеческое, уязвимое.
— Говорите. У меня мало времени.
— Я... я хотела извиниться. Лично. Сергей... он не знает, что я звоню. Он бы запретил.
— Умный мальчик, — сорвалось у меня. — За что извиняться? За то, что спали с моим мужем? Или за то, что теперь он спит на вашем диване, а моя дочь боится засыпать одна?

На том конце провода резко вдохнули.
— Я не хотела... Я не знала, что все так серьезно у вас. Он говорил, что вы давно в разладе, что живете как соседи...
— И ты, конечно, поверила, — я засмеялась коротко и сухо. — Классика. Неужели правда все такие наивные, или вам просто удобно в это верить?
Она помолчала.
— Вы правы. Мне было удобно. А потом... я влипла. А теперь я вижу, во что это вылилось. Он здесь, он как сломленный. Говорит только о Лизе. И... и о вас. Он сожалеет.
— Его сожаления меня больше не колышат, — отрезала я. — Если ты хотела

очистить совесть — позвонила не по адресу. Твоя совесть — твои проблемы. Мои проблемы — это моя дочь, которая не понимает, почему папа променял ее на "новую жизнь". Убирайся из моего телефона и из моего прошлого. И передай ему: алименты жду на карту пятого числа. И чтобы на связь с Лизой выходил только когда она сама захочет. Все. Разговор окончен.

Я положила трубку, не дожидаясь ответа. Руки дрожали. Но внутри не было опустошения. Была странная, холодная убежденность. Они там, в своей новой «реальности», играют в чувства и сожаления. А у меня здесь — конкретика. Уроки, родительское собрание, счет за электричество. Их драма — дешевый сериал. Моя жизнь — документальное кино о выживании.

Я вернулась в комнату. Лиза уже закончила с прописями.
— Мам, с кем ты разговаривала?
— По работе, — соврала я, впервые за много дней не чувствуя угрызений совести. Это была необходимая ложь. Щит. — Все сделала?
— Да. Можно мультик?
— Можно. Полчаса.

Она включила телевизор. Я села рядом, взяла в руки ее тетрадь. Кривые, но старательные буквы. "МАМА ПАПА ЛИЗА". Она зачеркнула "ПАПА" одним густым, темным карандашным штрихом, так что бумага порвалась. Потом, видимо, испугавшись, попыталась стереть. Получилось грязное, дырявое пятно.

Я закрыла тетрадь. Обняла ее за плечи.
— Знаешь,

что мы сделаем в эти выходные?
 — Что? — она не отрываясь смотрела на экран.
 — Поедем за город. Купим ту самую палатку, на которую копили. И спальники. И будем ночевать в лесу. Только мы.
 Она медленно повернула ко мне голову. В ее глазах, впервые за неделю, вспыхнул не отраженный свет экрана, а настоящий, живой интерес. Огонек.
 — Правда?
 — Правда. Нас ждут приключения. Большие и настоящие.
 — А папа...
 — Папа останется в городе. Со своими мыслями. Это будет наше путешествие. Твое и мое.

Она прижалась ко мне. Ее доверие было хрупким, как первый лед, но оно было. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг. Не в прошлое, где была боль и предательство. А в будущее — неясное, пугающее, но НАШЕ. Где не будет его синей кружки на столе, но будет палатка под звездами и моя дочь, засыпающая под шум леса, а не под гул разбитой тишины.

Я поняла, что больше не жду, когда боль утихнет. Я просто начинаю строить новую жизнь вокруг этой боли, как строят дом вокруг векового камня, который невозможно сдвинуть. Камень остается. Но дом можно сделать теплым и светлым. Несмотря ни на что.

С новым годом!

Только для читателей, старше 18 лет. Приглашаю в новинку нашего литмоба! "После развода. Наш сын назовет тебя дядей!"

От отказался от нас... Избавился, как от ненужного балласта. Забыл о нашем существовании... Но когда мы стали ему нужны, он снова напомнил о себе. Вот только... Теперь он не нужен нам. А наш сын теперь называет его ДЯДЕЙ.

<https://litnet.com/shrt/zRSq>

Весь мир подождет

Мы стояли на краю большого поля у леса, и ветер трепал краску только что купленной палатки, которую я с отчаянием пыталась воткнуть в землю. Инструкция была переведена с китайского такими иероглифами, что, казалось, описывала сборку космического корабля, а не тряпичного убежища. Лиза держала одну стойку, я — другую, и вся конструкция норовила сложиться, как карточный домик, под порывом ветра.

— Мам, она убегает! — крикнула Лиза, пытаясь удержать вырывающуюся ткань. В ее голосе не было паники, был азарт. И это был самый ценный звук за последний месяц.

— Держи! Не сдавайся! Мы же команда! — я ответила, чувствуя, как на лбу выступает пот. Это была абсурдная, физическая борьба с материей, и она была идеальна. Не было места мыслям о нем, о Кате, о разбитой жизни. Была только эта дурацкая палатка, которая должна была встать.

С третьей попытки, с моим нецензурным бормотанием, которое я делала тише, чтобы Лиза не расслышала, и ее радостными воплями, конструкция наконец обрела форму и устойчивость. Мы стояли перед своим сине-желтым творением, тяжело дыша, и смотрели на него, как на Эверест.

— Ура! Мы справились! — Лиза подпрыгнула и врезалась мне в объятия. Я поймала ее, прижала к себе, вдыхая запах

детского шампуня, леса и свободы. Настоящей, простой свободы от четырех стен, пропитанных горем.

Мы разожгли костер. Вернее, я полчаса пыталась его разжечь по всем правилам «интернета для начинающих выживальщиков», пока Лиза скептически наблюдала. В конце концов, я сдалась и подожгла огневое средство, которое купила про запас. Огонь весело затрещал.

— Мама-пироманка, — ухмыльнулась Лиза, нанизывая на палку зефир.
 — Молчи, а то останешься без ужина, — огрызнулась я, но улыбка не сходила с моего лица.

Темнело. Небо из синего превратилось в индиго, затем в черный бархат, усыпанный бриллиантами. Мы лежали на расстеленном спальнике, укрытые вторым, и смотрели вверх. Лес шумел темным, незнакомым шумом, но он не пугал, а словно обнимал.

— Мама, а что там, на других звездах? — спросила Лиза тихо.
 — Не знаю. Возможно, там тоже кто-то смотрит на свою звезду и думает о нас.
 — Папа сейчас тоже на звезды смотрит?
 Вопрос повис в воздухе, острый, как шишка, упавшая с дерева. Но боль от него была уже не острой, а тупой, привычной.
 — Не знаю, Лиз. Может быть. А может, смотрит телевизор.
 — А мы лучше. Мы здесь.
 — Да, — я обняла ее крепче. — Мы здесь.

И в этой тишине, под аккомпанемент треска костра и далекого уханья совы, случилось то, чего я так боялась и ждала. Лиза начала говорить. Не об отце. О себе.

— Мне сегодня Соня из класса сказала, что у ее тети тоже папа ушел. И они теперь ездят на море вдвоем, и у тети есть друг, дядя Женя, и он водит их на катере.
 — И что ты почувствовала, когда она это рассказала?
 — Странно. Что я не одна такая. И что... — она замолчала, ища слова. — Что можно ездить на море и без папы. И даже, наверное, весело.

Это было прозрение. Не глобальное, но важное. Мир не рухнул до конца. В нем нашлись параллели, щели, куда можно пролезть и жить дальше.

— Знаешь, Лиз, — сказала я, глядя на Млечный Путь, растекавшийся по небу сияющей рекой. — Люди приходят и уходят. Даже самые важные. Это очень больно. Но ты остаешься. И жизнь остаётся. И она огромная. Вот как это небо. В ней есть место и для палаток, и для морей, и для новых людей. И для старой, занудной мамы, конечно.

Она хихикнула.
 — Ты не занудная. Ты умеешь палатки ставить. Почти.
 — Спасибо за комплимент, — я фыркнула.

Мы помолчали.
 — Мам, а я... я все еще злюсь на него.
 — Имеешь полное право.
 — Но иногда мне его не хватает. Когда мы с ним строили шалаш на даче. И когда он меня учил кататься на велосипеде.
 — Это нормально. Можно злиться и скучать одновременно. Человеческое сердце — странная штука. В нем много разных комнат. В одной — злость. В другой — старые хорошие воспомина-

ния. Они просто теперь не связаны с той комнатой, где живет папа сейчас. Он из нее вышел.

Она долго молчала, а потом ее дыхание стало ровным и глубоким. Она уснула. Под открытым небом. Без страха.

Я не спала. Лежала и смотрела на звезды. В голове не было ни ярости, ни отчаяния. Была усталость — глубокая, костная. И странное, едва уловимое чувство... не надежды. Скорее, принятия факта. Факта, что он ушел. Что его нет. Что эта пустота — теперь часть ландшафта, как старое дерево, которое когда-то давало тень, а теперь просто стоит сухое, и нужно научиться смотреть на небо вокруг него.

Я достала телефон. Одно непрочитанное сообщение от Сергея, отправленное днем: *"Аня, перевел деньги. Как Лиза? Можно с ней связаться в воскресенье?"*
Раньше бы от этой фразы свело желудок. Сейчас я просто посмотрела на нее. Констатация. Деловое предложение. Я не ответила. Потом, подумав, написала коротко: *"Лиза в порядке. Она сама решит, когда будет готова. Не дави."*

Я выключила телефон. Экрана хватило, чтобы ослепить меня на секунду, погасив все звезды. Потом зрение вернулось, и Млечный Путь снова засиял во всем своем величии.

Я повернулась на бок, обняла спящую дочь, прижалась щекой к ее волосам. Впереди были еще миллион проблем: юридические вопросы, объяснения в школе, ее ночные кошмары, мои собственные приступы тоски. Но прямо сейчас, в эту холодную, звездную ночь, под скрипучую ткань нашей

первой общей палатки, было тихо. И этого было достаточно. Мы были здесь. Мы были живы. И мы были вместе. А все остальное... все остальное подождет до утра.

Ловите промо на "Развод. Кусай локти, козел!"
OS9r7usf

Катя нормальная

Я проснулась от звука, который еще месяц назад вызвал бы ледяную спазм в животе: в прихожей скрипнула дверь, послышались шаги. Но теперь я лишь натянула одеяло до подбородка и прислушалась. Спокойно. Шаги были легкие, топочущие — Лизы.

Она влетела в комнату, пахнувшая морозом и чужим, незнакомым шампунем. "Клубничный поцелуй" или что-то в этом роде. Она провела с Сергеем первые за полтора месяца выходные. Не с ночевкой, конечно. Он забрал ее в субботу утром и только что вернул.

— Мам! Я вернулась! — объявила она, скидывая на пол розовый рюкзак, подозрительно набитый.
— Вижу. Как дела? — я села на кровати, стараясь казаться расслабленной.
— Нормально! — она начала вытряхивать из рюкзака доказательства: плюшевого медведя в дурацкой кепке, коробку дорогого лего, пару книжек с яркими обложками. Подарки. Его старая тактика — купить расположение. Раздражение кольнуло, но я подавила его.
— Где были?
— В этом новом развлекательном центре! Там была стена для скалолазания! Я чуть до самого верха не забралась! И папа... — она запнулась, поймав мой взгляд. — И он меня страховал.

Она говорила быстро, с неестественным оживлением, как

будто зачитывала отчет. Ее глаза бегали по моему лицу, выискивая признаки бури. Она защищала его. Или защищала меня от своих настоящих чувств.

— Здорово, — сказала я нейтрально. — Пойдем, позавтракаем.
 За столом она наконец расслабилась, уплетая блинчики.
 — А еще мы... мы видели Катю.
 Ложка в моей руке зависла на полпути ко рту. Весь внутренний лед, который, казалось, растаял за месяц, мгновенно намерз снова.
 — Да? — выдавила я.
 — Она принесла нам кофе. Она... нормальная. Не страшная.

"Нормальная". Какое ужасное, всеразрушающее слово. Я хотела, чтобы она была монстром с клыками. Уродливой, глупой, вульгарной. А она оказалась "нормальной". Просто другой женщиной.

— Она сказала привет, — добавила Лиза, не глядя на меня.
 — Мило с ее стороны, — мой голос звучал как скрип ржавой двери. Я отпила чаю, но он был горьким, как полынь.

Лиза почувствовала напряжение. Она замолчала, ковыряя вилкой блин.
 — Мам, ты злишься?
 Вопрос был не про Катю. Он был про все. Про то, имею ли я право злиться, когда она начинает привыкать к новой реальности, где есть папа и "нормальная" Катя.

— Нет, — сказала я, и это была правда. Злость куда-то ушла. Осталась только усталая, тяжелая горечь. Как осадок на дне чашки. — Я не злюсь. Просто... странно. Это все еще странно для меня.
 — И для меня, — тихо призналась

она. — Сначала было весело. Потом, когда пришла она... стало как-то не так. Как будто мы играли в нашу старую игру, а потом внесли новое правило, и игра сломалась.

Она сформулировала это точнее, чем любой взрослый. Я протянула руку через стол и накрыла ее ладонь своей.
 — Понимаю. И знаешь что? Ты не обязана любить эту новую игру. Ты имеешь право сказать папе, что хочешь видаться только с ним. Пока. Или вообще. Это твое правило.

Она широко раскрыла глаза.
 — Правда? Я могу так сказать?
 — Конечно. Это твои чувства. Ты имеешь на них право.

Она задумалась, размазывая варенье по тарелке.
 — А ты... ты когда-нибудь с кем-нибудь... встретишься? Как Катя?

Вот он. Главный страх. Что мама тоже изменится, станет чужой, заведет свою «новую игру».
 — Не знаю, — ответила я честно. — Сейчас я даже думать об этом не могу. Сейчас все мое место занято тобой, работой и... этой нашей жизнью, которую мы заново собираем. Как то легко. По кирпичику. Мне пока хватает.

Она, кажется, успокоилась. Потом вдруг спросила:
 — А палатку еще поставим?
 — Обязательно. В следующие выходные, если не будет дождя. Может, даже с ночевкой.

Ее лицо озарила настоящая, не вымученная улыбка. "Наша" улыбка.

После завтрака она пошла в комнату собирать легиона. Я

осталась на кухне, смотря в окно. Где-то там, в этой "нормальной" жизни, был он с "нормальной" Катей. И моя дочь теперь как мост между двумя мирами, хрупкий и раскачивающийся.

В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение от Сергея: *"Спасибо, что отпустила. Она замечательная. Все прошло хорошо?"*
Я смотрела на экран. Раньше бы взорвалась от этого "замечательная". Теперь я просто увидела за текстом его вечное желание одобрения. Чтобы я подтвердила, что он — хороший отец, несмотря ни на что.

Я не ответила. Не сразу. Я пошла, встала в дверях комнаты Лизы. Она сидела на полу, окруженная разноцветными детальками, и что-то увлеченно собирала, напевая под нос песенку из мультика. Она была здесь. В безопасности. Она пережила эту встречу.

Я вернулась к телефону и набрала коротко: *"Лиза в порядке. В следующий раз, пожалуйста, без сюрпризов. Ей нужно время привыкнуть к тебе. Не ко всем сразу."*

Ответ пришел почти мгновенно: «Понял. Извини.»

Я отложила телефон. Никаких эмоций. Только договоренность. Правила новой игры. Наши правила.

Я вздохнула, подошла к окну. На улице шел мелкий, колючий дождь. Но сквозь тучи пробивался слабый луч солнца. Не победа света над тьмой. Просто напоминание, что они всегда существуют одновременно. Как и в нашей жизни. Боль и блинчики по воскресеньям. Чужая "клубничная"

жизнь и наша палатка. Пустота в моей половине кровати и теплая, живая дочь в соседней комнате.

Я повернулась от окна и пошла к ней. Села на пол рядом.
— Что строим?
— Космический корабль. Он будет летать на край вселенной.
— Отличная идея, — сказала я, взяла в руки непонятную деталь и попыталась вставить ее куда-то. — Дай-ка я помогу. Хотя бы на край галактики точно долетим.

Папа приходил

Тепло пришло внезапно и властно, заливая город липким солнцем и тополиным пухом. Квартира пахла теперь не стерильной тоской, а пылью, распахнутыми окнами и сладковатым ароматом черемухи из палисадника под окнами. Жизнь не налаживалась. Она просто... прорастала сквозь трещины, как упрямая трава сквозь асфальт.

Сергей стал частью ландшафта Лизы, как кружок по плаванию или репетитор по математике — регулярный, предсказуемый, ограниченный по времени. Она уже не ждала его у окна и не плакала после его ухода. Она просто уходила с ним, а возвращалась с сумкой, полной впечатлений и новых, уже менее вычурных, подарков. Иногда упоминала "Катю" вскользь, как упоминала бы его коллегу. Это слово перестало быть ножом. Оно стало просто фактом, как погода за окном. Это было хуже и лучше одновременно. Хуже — потому что означало, что рана затягивается рубцом, а не живой кожей. Лучше — потому что Лиза больше не морщилась от боли.

Я же жила в странном подвешенном состоянии. Я научилась спать ровно на своей половине кровати, не вжимаясь в стену. Научилась готовить на двоих, а не на троих. Моя ярость выгорела дотла, оставив после себя слой холодной, серой золы — равнодушия. Именно равнодушия, а не прощения. Простить я его не могла. Но и тратить силы на нена-

висть тоже. Он стал для меня чем-то вроде дальнего, неприятного родственника, с которым приходится вести переговоры по вопросам наследства. В нашем случае — наследства в виде детской психики.

Однажды вечером, когда Лиза уже спала, раздался звонок в дверь. Не в домофон, а именно в дверь. Настойчивый, но не грубый. Сердце, привыкшее замирать, едва дрогнуло. Я подошла, посмотрела в глазок.

Сергей. Один. Без цветов, без сумок. Просто стоял, ссутулившись, в легкой ветровке.

Я открыла. Не спрашивая, что ему нужно. Просто открыла и ждала.
 — Аня. Можно на минуту? — он выглядел уставшим. По-настоящему, не для показа.
 — Лиза спит.
 — Я знаю. Я к тебе.

Я пропустила его в прихожую, но не предложила пройти дальше. Мы стояли, как два дипломата на нейтральной полосе. От него пахло не "ее" духами, а просто улицей, городом.

— Я... хочу забрать кое-что из гаража. Старые лыжи. И книги, которые мы в ящике оставили. Если ты не против.
 — Ключ на месте. Бери что хочешь, — я пожала плечами.
 — Спасибо. — Он помолчал, переминаясь с ноги на ногу. — Как ты?
 — Живу. Работаю.
 — Аня, я... — он запустил руку в волосы. Этот жест был таким знакомым, таким *нашим*, что внутри что-то екнуло, не от нежности, а от досадной памяти. — Я понимаю, что уже ничего не исправить. Я даже не прошу. Но я хочу, чтобы ты знала...

Я вижу, какая ты стала сильная с Лизой. Как ты ее держишь. И мне... чертовски стыдно. Не за то, что ушел. А за то, *как* я это сделал. За тот спектакль, который устроил. За то, что попытался свалить вину на «обстоятельства» и ждал от тебя благородства. Ты была права. Я искал индульгенцию. Потому что трус.

Я слушала его, глядя куда-то мимо его плеча, на вешалку, где все еще висел его старый шарф. Я не ожидала такой... исповеди. Без слез, без пафоса. Просто констатация. И это обезоруживало сильнее любой истерики.

— Да, — сказала я наконец. Мой голос прозвучал тихо в полутьме прихожей. — Ты поступил как трус. И как эгоист. Ты сломал не только мое доверие. Ты сломал нашу дочь на время. И это, Сергей, я не забуду. Никогда.

Он кивнул, приняв приговор без возражений.
 — Я знаю. Я не за прощением. Я... хотел просто сказать это. Вслух. Тебе. Потому что ты заслуживаешь правды, а не спектаклей.

Наступила тишина. Не враждебная, а тяжелая, наполненная грузом всех невысказанных слов, всех разбитых тарелок, которых так и не было.
 — Книжки забирай, — повторила я, прерывая молчание. — Лыжи тоже. Они мне не нужны.
 — Спасибо. — Он повернулся, чтобы уйти, потом остановился. — Аня... Счастлива ли она? Лиза?

Это был первый вопрос за все время, который был не про него, не про его вину. Который был про *нее*. И в этом была

капля того, что когда-то делало его отцом.

— Она... становится счастливой, — ответила я честно. — Не сразу. Не всегда. Но становится. Мы над этим работаем.

Он еще раз кивнул, и в его глазах блеснуло что-то похожее на облегчение.
 — Спасибо. За все. И... извини.

Он вышел. Дверь закрылась с тихим щелчком. Я не двинулась с места. В груди не было ни злости, ни боли. Была странная пустота, но уже не та, ранняя, леденящая. А какая-то... очищенная. Как комната после генеральной уборки, когда весь хлам выброшен, а новая мебель еще не завезена. Светло, просторно и немного эхо.

Я вернулась в гостиную, подошла к окну. Через минуту увидела, как он выходит из подъезда, без лыж и книг, просто идет, засунув руки в карманы, и растворяется в теплых сумерках. Не враг. Не любовь. Просто человек, который когда-то был всем, а теперь стал ничем. И в этом "ничем" была своя, горькая свобода.

На следующее утро, за завтраком, Лиза спросила:
 — Мам, а папа вчера приходил? Я слышала голоса.
 — Приходил. Забрать кое-что свое.
 — Он... все еще живет с Катей?
 — Наверное. Но это уже не имеет к нам отношения, правда?
 Она подумала, откусывая тост.
 — Правда. А знаешь, что мы сегодня в школе делали? На технологии начали выжигать! Мне дали самую простую дощечку, с котиком.

И она понеслась в рассказе про выжигательный аппарат и

запах горелого дерева. Про котика. Про смешную учительницу. Ее мир снова вращался вокруг своей оси, и ось эта проходила через школу, наш дом, наши палатки и даже, с оговорками, через его редкие визиты. Он стал просто одной из планет на ее небосклоне. Не солнцем. И уж точно не черной дырой.

Я смотрела на нее, слушала этот поток жизни, и впервые за долгие месяцы почувствовала не тягучее отчаяние выживания, а что-то другое. Едва уловимое, как первый запах дождя после засухи. Не счастье. Нет. Но... возможность. Возможность того, что когда-нибудь, в один не обязательно солнечный день, я проснусь и первая мысль будет не о нем. А о чем-то своем. Новом. И, возможно, даже хорошем.

Я допила кофе. Он был все таким же горьким. Но сегодня я почувствовала в нем и аромат. Всего один, едва уловимый, но настоящий отголосок чего-то, что когда-то, очень давно, могло быть удовольствием.

А вот и промо на "Развод с властным" OrbkqrqC_

Привет из прошлого

Жара стояла такая, что воздух над асфальтом дрожал, как желе. Мы с Лизой возвращались из бассейна, волосы у нее были мокрые, на плече болтался яркий оранжевый спасательный круг-пончик, купленный по пути "просто так, потому что веселый". Она выросла за год. Вытянулась, и в ее жестах, в повороте головы все чаще проскальзывала не детская, а подростковая грация. Иногда я ловила ее взгляд в окно — задумчивый, отстраненный, уже не ищущий чью-то машину.

Наша жизнь обросла новыми ритмами. По средам — бассейн. По субботам, если нет его визитов к Лизе, мы ездили за город или на кинопоказы в парк. У меня появилась своя, крошечная, но важная привычка: по пятницам после работы заходить в маленькую кофейню возле метро и брать капучино с корицей, чтобы пить его не спеша, глядя на улицу. Это был мой личный, никому не принадлежащий час. Ритуал одиночества, который не пугал, а успокаивал.

В квартире почти не осталось его следов. Старый шарф я все-таки выбросила прошлой осенью, во время генеральной уборки. Синяя кружка из Гжели стояла на верхней полке, заставленная другими. Я не использовала ее, но и не прятала. Она просто была. Как экспонат в музее прошлой жизни.

На почтовый ящик, общий с моей фамилией, иногда приходили конверты на его имя. Я аккуратно складывала их в

стопочку и раз в месяц отдавала Лизе, когда он забирал ее. Это было все, что осталось от наших административных связей. Развод был давно завершен, алименты приходили исправно пятого числа. Все было цивилизованно, чисто и абсолютно безжизненно.

В тот вечер мы с Лизой затеяли готовить пиццу сами. Мука была повсюду, томатный соус брызгал на фартук, а Лиза с серьезным видом выкладывала на тесто горы сыра и колбасы, строго соблюдая "зоны влияния" — половина с ананасами (ее), половина с грибами (моя). Из динамика играла какая-то энергичная, малопонятная мне музыка, которую она обожала.

И тут в этой атмосфере мирного, немного бестолкового хаоса, раздался звонок в дверь. Не Сергей — он всегда предупреждал о визите к Лизе за сутки. Я вытерла руки, недоуменно взглянула на Лизу. Она пожала плечами.

В дверях стоял сосед снизу, Игорь Петрович, пожилой уже человек, бывший инженер. В руках он держал небольшую картонную коробку. — Анна, здравствуйте. Простите за беспокойство. Это... это вам. Вернее, это ваше, но адресовано было Сергею Александровичу. Почтальон ошибся, занес ко мне. А я разбирал бумаги на балконе и нашел.

Он протянул коробку. Она была невесомая, затянута сверху пыльной скотч-лентой. На боку, черным маркером, уже выцветшим от времени, было выведено: "Сереже. На память. От Ленки с группы. Июнь, 2012"

2012-й. За два года до свадьбы. До меня. "Ленка с группы". Университетская история, о которой он как-то вскользь упоминал.

— Спасибо, Игорь Петрович, — автоматически сказала я, принимая коробку. Руки не дрожали. Сердце не заколотилось. Было лишь легкое, почти научное любопытство. Как археолог, нашедший артефакт из чужой, давно стертой цивилизации.

Я занесла коробку на кухню, поставила на стол. Лиза подошла, с интересом разглядывая. — Что это, мам? — Какие-то старые папины вещи. Ему пришли по ошибке. — А что там? — Не знаю. Письма, наверное. Фотографии. Безделушки.

Мы стояли и смотрели на коробку. Это была капсула времени из жизни человека, которого я, оказывается, никогда не знала до конца. Молодого, влюбленного в какую-то Ленку. В тот момент я поняла то, что, наверное, подсознательно знала все эти месяцы: я оплакивала не его. Я оплакивала иллюзию. Образ мужа, отца, надежного человека. А он всегда был просто Сергеем — слабым, запутанным, ищущим легких путей и чужих индульгенций. И Ленка с группы, и я, и Катя — мы были просто этапами на этом пути. Не мы его предали. Он предавал сам себя снова и снова, и наше горе было лишь побочным эффектом.

— Выбросим? — спросила Лиза, словно читая мои мысли. — Я подумала. Нет. Не выброшу. Но и вскрывать,

рыться в этих пожелтевших свидетельствах чужой нежности не стану. Это было бы уже не больно, а унижительно. Для нас обеих.

— Нет, — сказала я. — Отдам папе, когда будет возможность. Это его прошлое.

Я отнесла коробку в кладовку, поставила на верхнюю полку, рядом со старой палаткой. Пусть лежит. Как и все прошлое — в темном, пыльном углу, где ему и место.

Мы допекли пиццу. Она получилась немного сыроватой посередине и подгоревшей по краям. Но мы ели ее, смеясь над своими кулинарными неудачами, облизывая пальцы, залитые томатным соусом. Лиза рассказывала про нового тренера в бассейне и свою подругу Соню, у которой появился первый "полу-бойфренд". Ее мир был полон своих, живых красок. И я была его частью. Не тенью от ушедшего человека, а его основой.

Позже, укладываясь спать, Лиза обняла меня крепко, как делала это все реже, по-взрослому стесняясь нежностей.
— Мам, знаешь, я сегодня в бассейне проплыла всю дорожку без остановки.
— Правда? Это же здорово!
— Да. Я думала, не смогу. А потом просто... поплыла. И все.

Я погладила ее по влажным от душа волосам.
— Так бывает. Главное — перестать бояться и сделать первый гребок.

Она кивнула и через минуту заснула. Я вышла на балкон. Ночь была теплой, звездной. Где-то там был он, со своей но-

вой жизнью, со своими новыми и старыми коробками. Но его присутствие больше не отбрасывало тень на мой мир. Его история для меня закончилась. А моя — наша с Лизой — продолжалась. Не как "история о разводе с надрывом", а просто как история. О жизни, которая, несмотря ни на что, оказалась упрямой и живучей. В ней были шрамы, да. Но были и бассейн по средам, и смех над подгоревшей пиццей, и тихие вечера с кофе и корицей.

Я сделала глубокий вдох. Воздух пах летом, свобода и возможностью. И впервые за долгое-долгое время этот запах не был горьким. Он был просто... воздухом. Тем, которым дышат живые.

Ловите промо на "Развод с властным" zBLqаXBW

Катя беременна

В квартире пахло мандаринами, хвоей и горячей пастилой, которую Лиза пыталась сделать по рецепту из интернета, устроив на кухне сладкий апокалипсис. Ей было двенадцать, и ее мир теперь делился на «кринж» и «вайб», а в наших отношениях появились первые, осторожные шипы подросткового бунта, которые я научилась не замечать, как царапины от дикой кошки — неизбежные и быстро заживающие.

Наша елка, которую мы тащили из самого дальнего угла рынка, потому что Лиза "влюбилась взглядом" именно в эту, немного кривую и пушистую, сверкала гирляндой и самодельными игрушками. Среди шаров и шишек висела картонная звезда, покрашенная золотой краской, — та самая, что мы сделали в ту первую, ледяную палатку. Она была нашим талисманом.

Я накрывала на стол, прислушиваясь к веселой возне на кухне и к голосам из телевизора, где шел какой-то предновогодний концерт. Все было как всегда. И в то же время — совершенно иначе.

Звонок в дверь застал меня врасплох. Лиза вылетела из кухни, вытирая руки о фартук.
— Это наверное Дед Мороз! — фыркнула она, но в глазах мелькнуло оживление. Она все еще верила в чудеса, просто тщательно это скрывала.

Я открыла. На пороге стоял Сергей. Не один. Рядом с ним, смиренно опустив взгляд, стояла Катя. Она изменилась — выглядела взрослее, спокойнее. В руках они держали несколько празднично упакованных коробок.

— Аня, здравствуй, — сказал Сергей. Его голос был ровным, без прежней подбострастной ноты. — Прости, что без предупреждения. Мы... завезли подарки для Лизы. И... для тебя. Если, конечно, не против.

Лиза замерла у меня за спиной. Я видела, как по ее лицу пробежала волна противоречивых чувств: радость от подарков, смущение от неожиданности, остатки старой настороженности.

— Заходи, — сказала я после короткой паузы. Не из вежливости. Из... любопытства. И из какой-то новой, странной уверенности, что они больше не могут меня ранить. Они были просто гостями. Не самыми желанными, но и не врагами.

Они разулись в прихожей, прошли в гостиную, скромно устроились на краю дивана. Катя молча положила подарки под елку. Воздух наполнился легким напряжением.

— Лиза, ты выросла! — попытался наладить контакт Сергей.
— Ну да, — буркнула она, но тут же спохватилась, вспомнив, вероятно, про «вайб» и правила приличия.
— Спасибо за подарки.

Наступило неловкое молчание, которое прервала Катя. Неожиданно.
— Пахнет... пастилой? У вас?
— Да, я делаю! — оживилась Лиза, всегда готовая рассказать о сво-

их кулинарных экспериментах, даже если аудитория сомнительная. — Правда, это у меня третья попытка, первые две были полной лажей.
 — У меня тоже никогда не получается, — улыбнулась Катя. Улыбка была робкой, но искренней. — Зато меренги я научилась делать идеально.

И они заговорили. О меренгах. О том, как трудно взбивать белки в медную посуду. Диалог был абсурдным и спасительным. Сергей смотрел на них, и на его лице я впервые увидела не вину или сожаление, а просто... усталость. И что-то вроде покоя.

Через двадцать минут, выпив по чашке чая и обсудив все возможные десерты, они собрались уходить. На пороге Сергей задержался.
 — Аня, можно тебя на секунду? — он вышел в подъезд, давая понять, что разговор не для всех.

Я вышла за ним, прикрыв дверь.
 — Мы с Катей... мы ждем ребенка, — сказал он быстро, глядя куда-то в сторону. — Ранней весной.

Информация повисла в холодном воздухе подъезда. Я ждала, что почувствую — укол, волну горечи, триумфальное "ах так!". Но не почувствовала ничего. Кроме легкого удивления. Как будто мне сообщили, что у дальнего знакомого сменилась работа.
 — Поздравляю, — сказала я ровно. — Искренне.
 — Спасибо. — Он облегченно выдохнул. — Я... я хотел сказать тебе сам. До того, как Лиза узнает от кого-то еще. И... я хочу, чтобы она знала, что это ничего не меняет. Для нее. Она — моя дочь. Всегда. Я уже ращу маль-

чика Кати от первого брака. И Лизку нашу не брошу. Меня на всех хватит...

В его словах не было пафоса. Была просто констатация факта и попытка быть честным. На этот раз — по-настоящему.
— Это ей решать, что для нее меняется, — ответила я. — Но я передам. И... удачи вам.

Он кивнул, еще раз бросил на меня странный взгляд — будто видел перед собой не бывшую жену, а просто человека, с которым когда-то шел одной дорогой, а потом свернул. И теперь дороги так далеко разошлись, что можно уже не бояться столкновений.
— Счастливого Нового года, Аня.
— И вас.

Я вернулась в квартиру. Лиза уже разбирала подарки. От Сергея — новый дорогой планшет. От Кати — удивительно красивый и теплый шарф ручной работы, цвета спелой сливы.
— Мам, смотри, какой! — Лиза прижала шарф к щеке. — Она, наверное, долго вязала.
— Да, — согласилась я. — Цвет тебе очень идет.

Позже, когда мы остались одни, готовясь к блюду курантов, я сказала:
— Папа с Катей ждут ребенка. У тебя будет брат или сестра.
Лиза перестала нанизывать бусы на гирлянду. Задумалась.
— Странно. Как будто в чужом фильме про чужую жизнь. Ну... ладно. Главное, чтобы он тогда не забывал про меня.
— Он не забудет, — сказала я, и это была не уверенность в нем, а уверенность в ней. В ее силе, в том, что она уже не та девочка, которую можно

забыть. — А если что — у тебя есть я. И мы с тобой — команда.

Она улыбнулась, тайной, взрослой улыбкой.
 — Команда, — подтвердила она.

В двенадцать, когда на экране заиграл гимн и начался салют, мы чокнулись бокалами с яблочным соком.
 — За новый год, мам.
 — За нашу команду, Лизка.

Мы обнялись, смотря на разноцветные вспышки за окном. Я думала о той коробке в кладовке, о Ленке с группы, о Кате, вяжущей шарф, о новом ребенке, который придет в мир. О всех этих нитях, которые когда-то были сплетены с моей жизнью, а теперь растрепались и ушли в другие узоры.

Больше не было надрыва. Не было этой разрывающей тишины после его ухода. Была просто жизнь. Наша жизнь. Со своими трещинами, да. Но и со своей прочностью. Как тот шарф — связанный из множества разных петель, местами неровный, но теплый и настоящий.

Я посмотрела на дочь, на ее профиль, озаренный огнями салюта. И поняла, что история не закончилась хэппи-эндом в классическом понимании. Она просто перестала быть историей о разводе. Она стала историей о нас. А это — самое большое чудо из всех возможных. Чудо не забывания, а проживания. День за днем. Год за годом.

Ловите промо на "Верну семью после развода"
P0z8mo1Z

Внезапный скандал

Четыре года спустя Лиза стояла перед зеркалом в примерочной, крутясь передо мной, как манекенщица. Платье для выпускного из девятого класса было из плотного темно-зеленого бархата. Оно делало ее почти женщиной. Я выдохнула: "Ты потрясающая". Она улыбнулась, и в улыбке все еще проглядывала та девочка, которая закапывала в песок мой телефон.

Жизнь стала плотной, набитой делами до отказа. Сергей стал периферийным явлением. Границы были установлены, правила — соблюдены.

В тот вечер, после покупки платья, мы зашли в нашу кофейню. Весенний дождь стучал по стеклу.
— Мам, — начала Лиза. — Папа звонил. Хочет подарить серьги. И... пригласил летом на море. Всех: его, Катю, Машку, Тимура.
Я почувствовала, как что-то внутри едва заметно напряглось.
— И?
— И я сказала, что не хочу. Что мы с тобой едем в горный тур.
Я не могла скрыть улыбки. Она выбрала нас.
— Горный тур так горный тур, — сказала я.

Но через несколько дней, когда Сергей пришел забирать Лизу на выходные, все пошло не так.

Он стоял в прихожей, и разговор о планах на лето сразу пошел под откос.
— Лиза говорила, вы в какие-то го-

ры собрались? — спросил он, и в голосе зазвучала знакомая, сглаженная металлическая нотка.
— Да, — кивнула я.
— Забронировали тур. С восхождением.
— Это безрас-
судно. И небезопасно. Лизе лучше отдохнуть нормально, на море. Мы как раз снимаем дом в Крыму.
— Мы все об-
судили, — спокойно сказала я. — Лиза хочет в горы.
— Она ребенок, — мягко, но настойчиво парировал он, обра-
щаясь уже к Лизе. — Ты же понимаешь, что это важно для
меня? Для нас? Машка в первый раз на море будет, я хочу,
чтобы вы познакомились поближе. Это же твоя сестра.

Лиза молчала, глядя в пол. Я видела, как ее уверенность
тает под напором его логики и этого давящего, отеческо-
го ожидания.
— Пап, я уже сказала маме, что поеду с
ней...
— И прекрасно! — перебил он, нарочито бодро.
— Поедешь и с ней, и с нами. Сначала в горы, потом к нам
на море. У тебя же каникулы длинные. Или... — он сделал
паузу, и голос его стал чуть холоднее. — Или ты выбираешь
только маму и намеренно отдаляешься от нашей новой се-
мьи? От сестры? Ты же не хочешь, чтобы Машка росла, ду-
мая, что ее старшая сестра ее не любит?

Это был низкий удар. Расчетливый и точный. Лиза вздрог-
нула. В ее глазах замелькала паника — страх оказаться пло-
хой, виноватой, разрушительницей чего-то хрупкого.
— Я... я не отдаляюсь, — пробормотала она.
— Вот и от-
лично. Значит, договорились? Месяц — с мамой в ее горы.
А потом две недели — с нами на море. Справедливо же?

Он смотрел на нее, излучая уверенность и легкую обиду, которую она теперь должна была загладить. Я пыталась поймать ее взгляд, чтобы дать опору, но она не смотрела на меня. Она была зажата между его волей и своим желанием не ранить, не быть «плохой дочерью».

— Хорошо, — тихо, почти беззвучно, сказала Лиза. — Я поеду.

— Умница! — Сергей засветился победной улыбкой, обнял ее за плечи. — Вот видишь, как все просто. А то горы... это, конечно, экзотика, но семья важнее, правда?

Они ушли. В квартире повисла та самая, знакомая до боли тишина. Но на этот раз она была горькой от вкуса поражения. Не его победы над мной. А его победы над ней. Над ее правом выбирать. Он снова, как тогда, в самом начале, нашел слабое место и надавил. Только теперь слабым местом была не моя жалость, а ее подростковая неуверенность и чувство вины перед полусестрой, которого он так умело раздул.

Я подошла к окну. Дождь кончился, на мокром асфальте отражались огни. Горы, наши горы, вдруг отодвинулись, стали призрачными. Впереди были две недели, которые она проведет в чужой, нарисованной им идиллии, чувствуя себя гостьей и заложницей.

Надрыв, казалось, кончился. Но он просто научился носить маску заботы и вины. И пробираться в нашу жизнь через щель в броне нашей девочки. Победа была не полной. Она была отложенной. И я знала, что дочка вернется с того моря не загорелой и счастливой, а уставшей от этой игры в

одну большую счастливую семью, которую от нее требовали разыгрывать. И мне снова придется собирать ее по кусочкам и объяснять, что быть собой — не преступление. Что можно говорить «нет», не становясь монстром. Битва кончилась. Но война за ее право на собственный выбор — только началась.

Только для читателей, старше 16 лет! Книга из нашего моба "Развод, даже если сердце плачет!"

– Выйди, Вика, и закрой дверь! Неужели не видишь, что я не один?! Если хочешь спать, ляг на диване. Мы с Катюшей здесь надолго. – С этими словами муж подхватывает незнакомку на руки и несёт в нашу постель.
Стою в дверях спальни, ошарашенная и онемевшая. Три года брака, любовь, планы...
Муж знает, что я дома и ко мне пришли подруги, но без стеснения привёл в нашу спальню другую женщину. А меня выгнал.

https://litnet.com/shrt/je_5

О, горы!

Холодный воздух пах смолой, мокрым камнем и свободой, которая обжигала легкие, как крепкий спирт. Мы с Лизой сидели на огромном валуне у края палаточного городка, закутавшись в термоодеяла, и смотрели, как ночь отступает. Сначала черное небо стало темно-синим, потом по гребням далеких хребтов пролегла тонкая, огненная нить, разрывая тьму. Это был наш третий день в горах.

Первые сутки Лиза молчала. Не то чтобы дулась — она была вежлива, помогала ставить палатку, раскладывала вещи. Но в ее глазах стояла та самая виноватая тень, которую навеял Сергей. Она будто ждала, что я начну упрекать, напоминать о ее слабости. Я молчала. Ждала, когда горы сделают свое дело.

И они сделали. На второй день был переход к высокогорному озеру. Тропа шла вверх, петляя среди осыпей и карликовых сосен. Дышать становилось труднее, ноги горели. Я шла сзади, наблюдая, как ее спина сначала напряглась, потом сгорбилась от усталости. Она ни разу не попросила остановиться. Стиснув зубы, упрямо ставя ногу на скользкий камень, она шла. В какой-то момент, на крутом подъеме, она поскользнулась и чуть не упала, но успела схватиться за корявый сук.
— Черт! — вырвалось у нее, и в этом слове было столько злости — не на гору, а на себя, на свою нелов-

кость, на всю эту ситуацию.
 — Ничего, — спокойно сказала я, подходя. — Дыши глубже. Смотри под ноги, а не на вершину. Разбей путь на кусочки. До того камня. Потом до той сосны.

Она кивнула, не глядя на меня, и поползла дальше. Но когда мы добрались до озера — ледяного, зеркального, окруженного снежниками даже в июле, — она замерла. Просто стояла и смотрела. А потом, неожиданно, сказала:
 — Он... папа... никогда бы сюда не пошел. Он ненавидит комаров и когда ноги мокрые.
 В ее голосе не было ни сожаления, ни тоски. Была констатация. Как будто она впервые с такой ясностью увидела разницу между его миром и нашим.
 — Да, — согласилась я. — Не пошел бы.
 — А мы — здесь.
 — Да. Мы — здесь.

Мы сидели у воды, ели шоколад, и молчание между нами уже не было тяжелым. Оно было общим, заполненным усталостью и тихим торжеством.

А сейчас, на этом валуне перед рассветом, она наконец заговорила по-настоящему.
 — Мам, я... я чувствую себя ужасно из-за того, что согласилась на море.
 Я не стала перебивать, просто кивнула, давая ей продолжать.
 — Он давил. И я... сдулась. Как тряпка. Я так зла на себя. Я ведь хотела только с тобой. Только это. — Она махнула рукой на открывающуюся панораму, где вершины начинали розоветь.
 — Понимаешь, Лиз, — начала я осторожно. — Ты не сдулась. Ты — не бетонная стена. Ты — живой человек,

которого любит отец и который любит отца. Пусть и злится на него. Ему было легко надавить, потому что он играл на твоей любви. И на твоей доброте. Не хочешь ранить малышку? Значит, ты плохая? Это манипуляция. Грязная и беспринципная.
Она смотрела на свои руки.
— Знаю. Я уже потом, когда они ушли, поняла. Но было поздно. Я дала слово.
— Слова можно брать назад, если их вырвали под давлением. Ты имеешь на это право.
— Не могу, — прошептала она. — Не потому, что слово, а потому что... я хочу посмотреть ей в глаза. Машке. И понять. И чтобы она, когда вырастет, не думала, что я ее бросила. Я не хочу быть... как он.

Вот оно. Корень. Она боялась повторить его ошибку — предать, отказаться, сбежать. Она брала на себя ответственность, которую он когда-то так легко сбросил.
— Тогда это твой выбор, — сказала я твердо. — Не его победа. Твой сознательный выбор — встретиться с этим. Но запомни: ты едешь не как провинившаяся дочь, которая должна заслужить прощение. Ты едешь как гость. Со своими границами. Если тебе что-то не нравится, ты имеешь право сказать. Уйти в номер. Уехать раньше, если станет невмоготу. Ты не обязана играть в счастливую семью ради его спокойной совести. Договорились?

Она подняла на меня глаза. В них появилась твердость. Та самая, которую она нашла на горной тропе.
— Договорились.
— И еще одно, — я положила руку ей на пле-

чо. — То, что ты чувствуешь вину, не делает тебя слабой. Это делает тебя человеком. Настоящим. В отличие от тех, кто вину просто сбрасывает с себя, как грязную одежду.

Солнце вышло из-за горы, и первый луч ударил прямо в лицо. Мы зажмурились. Потом Лиза улыбнулась — впервые за эти дни по-настоящему, широко, до слез.
 — Мам, спасибо. За то, что не... не пилила меня.
 — Да ладно, — я фыркнула. — У меня энергия ушла на то, чтобы эту чертову палатку собрать. На пиление сил не осталось.

Мы сидели еще долго, пока лагерь не начал просыпаться. Пахло дымом от первого костра и вареной овсянкой. Наш инструктор, суровый бородач по имени Стас, крикнул:
 — Девчата, завтрак! А потом — выход на перевал. Будет жестко!

Лиза вскочила на ноги, сбросила одеяло.
 — Поехали! — крикнула она, и в ее голосе был вызов. И себе, и горе, и тому давящему чувству долга, которое ждало ее внизу, у теплого моря.

Я смотрела, как она бежит к палатке, подпрыгивая на ходу, и поняла: эти горы дали ей нечто большее, чем красивые фотографии. Они дали ей точку опоры внутри себя. Точку, с которой она уже не сорвется в пропасть чужой вины. Она может пойти на море. Но она уже никогда не будет там беспомощной девочкой. Она вернется оттуда с новыми шипами, новой закалкой. Потому что здесь, на высоте, где воздух чист и мысли ясны, она нашла самое главное — уважение к себе.

И это была победа, которую у нее уже никто не отнимет.

Только для читателей, старше 18 лет! Еще одна книга нашего моба "Бывшие. Метель между нами"

Он исчез, вырвав кусок моего сердца, оставив рваную метку, которая истекает кровью долгие годы. Украл мою душу, жизнь — все, что могло быть счастьем. И он так и не узнал о той тайне, что я унесла под сердцем... Тайне, которая разрывает меня изнутри всю жизнь...

<https://litnet.com/shrt/F00Q>

Маленькие детки

- маленькие бедки

Море пахло не так, как я помнила. Не свежей, солёной свободой, а смесью хлорки от бассейна, жареных чебуреков и дорогого солнцезащитного крема. Мы ехали сюда семь часов в его новой, слишком чистой машине, где пахло только кожей и ароматизатором "Альпийский луг". Я сидела сзади рядом с детским креслом Машки, которая всё время капризничала и роняла игрушки, а я их поднимала. Катя, на пассажирском месте, тихо что-то ему говорила, а он кивал. Я ловила себя на том, что смотрю на его затылок и профиль, стараясь найти в нём того папу, который когда-то катал меня на плечах. Не находила. Он казался чужим дядей, очень вежливым и немного напряжённым.

А потом был он. Тимур.

Он вышел встречать нас на парковку, когда мы уже подъезжали к их снятой вилле. Высокий, угловатый, в мешковатых шортах и чёрной футболке с какой-то непонятной надписью. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то поверх нас, будто мы были частью пейзажа.
— Тим, познакомься, это Лиза, — сказала Катя каким-то слишком лёгким, "незатейливым" голосом.
Он кивнул мне, не улыбаясь.
— Привет.
— Привет, — пробормо-

тала я.
 Наши взгляды встретились на секунду. В его глазах я прочитала то же, что чувствовала сама: "О, боже, вот и она. Теперь придётся это терпеть".

Вила оказалась двухэтажной, с кучей комнат. Мне выделили комнату на первом этаже рядом с гостиной. Она была хорошая, светлая, с выходом в маленький садик. Но она была чужой. Я поставила чемодан у кровати и не знала, что делать дальше. Распаковываться? Это выглядело бы как вторжение. Сидеть на кровати? Странно.

— Лиза, иди купаться! — позвал папа из гостиной, где он уже возился с надувным кругом для Машки. Голос был слишком громким, слишком весёлым. Он пытался создать атмосферу праздника. Это было невыносимо.
 — Пойду позже, — ответила я, глядя в окно.
 — Как хочешь! — откликнулся он, и в его тоне мелькнуло разочарование. Будто я уже нарушила сценарий счастливого отпуска.

Обед был первой попыткой. Длинный стол на веранде. Катя хлопотала, раскладывая тарелки с нарезанными сырами и фруктами, красиво, как в журнале. Я села. Тимур сел напротив, уткнувшись в телефон. Машка начала хныкать, потому что хотела не ту тарелку. Папа пытался шутить, шутки были плоскими и замирали в воздухе.
 — Ну что, Лиза, как горы? — спросила Катя, пытаясь наладить диалог.
 — Нормально, — сказала я.
 — Круто, наверное. Мы как-то хотели, да всё не получается, — сказал папа, намазывая масло на хлеб.
 Я просто пожала плечами. Что я должна

была сказать? "Да, пап, это было нереально, намного лучше, чем вот это вот всё"?

Тимур внезапно поднял глаза от телефона.
 — А на какой высоте были?
 — На высоте "перестань играть в телефон за столом", — автоматически сказал папа своим старым, начальственным тоном, который он всегда использовал со мной.
 Воцарилась мёртвая тишина. Тимур медленно поднял на него взгляд. Не злой, а холодный, изучающий.
 — Я спрашиваю у Лизы про высоту, — произнёс он ровно.
 Папа смутился, замигал.
 — А, ну да... конечно. Просто... манеры, знаешь ли.
 — У меня с манерой задавать вопросы всё в порядке, — парировал Тимур и снова посмотрел на меня.
 Я почувствовала, как краснею. Мне было неловко и за папину попытку "воспитывать", и за этот натянутый интерес Тимура.
 — Ну, лагерь был на двух тысячах. А на перевал ходили на три с чем-то, — выдавила я.
 — Прикольно, — сказал Тимур, и снова погрузился в телефон. Диалог был исчерпан.

Вечером мы все пошли на пляж. Море было тёплым, ласковым, совсем не таким суровым, как горные озёра. Но я не могла расслабиться. Папа носился с Машкой на руках, заставляя её "плескаться", и громко смеялся. Катя сидела на шезлонге и смотрела на них с той самой, мягкой улыбкой, которая, казалось, была у неё перманентно. Я стояла по колено в воде и чувствовала себя идиотски. Тимур плавал далеко, у буйков, ровными, мощными кролем. Казалось, он фи-

зически пытался отплыть от нас подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.